

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

Терроризм, любовь моя

Прежде чем заняться взрывчаткой,
он сварил кофе

В этой гостинице разрешалось
пользоваться своей спиртовкой,
если заплатишь за неделю вперёд
и подпишешь правила техники
безопасности

Ей запретили кофе –
в её же собственных интересах, –
но без утренней дозы «арабской порчи»
в ней просыпалась только нижняя
половина тела,
жившая третий месяц как-то
самостоятельно

Сегодня она была нужна ему целиком

Он налил ей кофе и сделал два
бутерброда,
улыбаясь про себя её как никогда
здоровому аппетиту;
самому ничего не хотелось

Затем тут же, на столе, среди остатков
хлеба и сыра,
протянул две чёрные ленты –
одну себе и другую, длиннее на две
ладони,
для неё

– Маслом, – сказала она в затылок ему,
туго сажавшему в патронташи сигары
шашек. –
Смажь

Не следовало прерываться,
не доведя до конца простое дело,
но внезапное возбуждение было сильнее,

SERGEJS MIHAILOVS

Terorisms, mīlotā (Allaha līgava)

It kā censdamies atlikt darbu pie spridzekļa,
viņš uzvārtja kafiju

Ikviens šajās istabās drīkstēja lietot savu spirta
degli,
ja vien maksāja par nedēļu uz priekšu
un ievilka parakstu noteikumos

Viņai kafija bija liegta -
tas bija viņas pašas labā,-
tomēr bez ikrīta “arābu ģikts” devas
viņā modās tikai ķermeņa lejasdaļa,
kura, nu jau trešo mēnesi, dzīvoja
it kā pati par sevi

Viņa tam šodien bija vajadzīga visa

Viņš ielēja tai kafiju un pagatavoja divas
sviestmaizes,
pie sevis pasmaidot par viņas neierasti
veselīgo apetīti;
Pašam itnekā negribējās

Tad uz galda, starp
siera un maizes paliekām, viņš
izritināja divas melnas lentas -
vienu sev un otru, divu plaukstas tiesu garāku,
viņai

- Iesmērē, - sacīja viņa, tikko skardama
pakausi,
kamēr tas cieši sprauda patronsomā
C4 stienīšus, -
- ar sviestu!

Nebija gudri vienkāršu lietu atstāt pusratā,
bet negaidītais uzbudinājums ņēma virsroku,

оно всегда его подводило, они всегда брали его *на слабо* – эти смеющиеся с поволокой глаза перед его глазами

.....

Сцеловывая крошку из уголка её марокканских губ, он почувствовал, как меланхолично они раскрылись, повеяв сладчайшей бездной, им не изведанной и наполовину, и скорее узнал, чем услышал:

– Я и сейчас думаю, что наша встреча – это была чья-то ошибка, несчастный случай

– Катастрофа, – поправил он, хмурясь. – Любовь – это катастрофа. Крушение целого мира

Она отстранилась Он вернулся к работе

...Когда для финальной сцены всё было готово и он протянул ей венчальный пояс, взгляд её блуждал в небесах за окном, будто следил за птицей, будто искал дорогу, рука напутственно гладила огромный живой живот

tas allaž viņu pievīla,
TĀS zināja viņa vājo vietu
šīs izaicinošās, caur skropstu plīvuru smejošās
acis,
viņa acu priekšā

.....

Skūpstot kripatiņas no viņas marokānisko lūpu kaktiņa,
viņš sajuta, cik ilgoti tās vērās,
solot saldmes bezdibeni, pat ne uz pusi neiepazīto,
un drīzāk nojauta, kā saklausīja:

- Es arī tagad domāju, ka mūsu tikšanās - bija viņu kļūda, negadījums

- Katastrofa,- viņš sadrūmis pārlaboja.-
Mīlestība - tā ir katastrofa. Veselas pasaules sagrūšana

Viņa atvirzījās. Viņš atgriezās pie darba

....kad fināla skatam viss bija sagatavots un viņš pastiepa tai kāzu jostu, viņas skatiens klaiņoja aiz loga debesīs, it kā sekojot putnam, it kā meklējot ceļu, roka svētījot glāstīja milzīgo, dzīvo vēderu